
**Записки
институтки**

*Моим дорогим подругам,
бывшим воспитанницам Павловского института,
выпуска 1893 года, этот скромный труд посвящаю.*

Автор

ГЛАВА I

Отъезд

В моих ушах еще звучит пронзительный свисток локомотива, шумят колеса поезда — и весь этот шум и грохот покрывают дорогие моему сердцу слова:

— Христос с тобой, деточка!

Эти слова сказала мама, прощаясь со мною на станции.

Бедная, дорогая мама! Как она горько плакала! Ей было так тяжело расставаться со мною!

Брат Вася не верил, что я уезжаю, до тех пор, пока няня и наш кучер Андрей не принесли из кладовой старый чемоданчик покойного папы, а мама стала укладывать в него мое белье, книги и любимую мою куклу Лушу, с которой я никак не решилась расстаться. Няня туда же сунула мешок вкусных деревенских коржиков, которые она так мастерски стряпала, и пакетик малиновой смоквы, тоже собственного ее приготовления. Тут только, при виде всех этих сборов, горько заплакал Вася.

— Не уезжай, не уезжай, Люда, — просил он меня, обливаясь слезами и пряча на моих коленях свою курчавую головушку.

— Люде надо ехать учиться, крошка, — уговаривала его мама, стараясь утешить. — Люда приедет на лето, да и мы съездим к ней, может быть, если удастся хорошо продать пшеницу.

Добрая мамочка! Она знала, что приехать ей не удастся, — наши средства, слишком ограниченные, не позволяют этого, —

но ей так жаль было огорчать нас с братишкой, все наше детство не расстававшихся друг с другом!..

Наступил час отъезда. Ни я, ни мама с Васей ничего не ели за ранним завтраком. У крыльца стояла линейка; запряженный в нее Гнедко умильно моргал своими добрыми глазами, когда я в последний раз подала ему кусок сахара. Около линейки собралась наша немногочисленная дворня: стряпка Катря с дочуркой Гапкой, Ивась — молодой садовник, младший брат кучера Андрея, собака Милка — моя любимица, верный товарищ наших игр, и, наконец, моя милая старушка-няня, с громкими рыданиями провожающая свое «дорогое дитяtko».

Я видела сквозь слезы эти простодушные любящие лица, слышала искренние пожелания «доброй панночке» и, боясь сама разрыдаться навзрыд, поспешно села в бричку с мамой и Васей.

Минута, другая, взмах кнута — и родимый хутор, тонувший в целой роще фруктовых деревьев, исчез из вида. Потянулись поля, поля бесконечные, милые, родные поля близкой моему сердцу Украины. А день, сухой, солнечный, улыбался мне голубым небом, как бы прощаясь со мною...

На станции меня ждала наша соседка по хуторам, бывшая институтка, взявшая на себя обязанность отвезти меня в тот самый институт, в котором она когда-то воспитывалась.

Недолго пришлось мне побыть с моими в ожидании поезда. Скоро подползло ненавистное чудовище, увозившее меня от них. Я не плакала. Что-то тяжелое надавило мне грудь и kloкотало в горле, когда мама дрожащими руками перекрестила меня и, благословив снятым ею с себя образком, повесила его мне на шею.

Я крепко обняла дорогую, прижалась к ней. Горячо целуя ее худенькие, бледные щеки, ее ясные, как у ребенка, синие глаза, полные слез, я обещала ей шепотом:

— Мамуля, я буду хорошо учиться, ты не беспокойся.

Потом мы обнялись с Васей, и я села в вагон.

Дорога от Полтавы до Петербурга мне показалась бесконечной.

Анна Фоминишна, моя попутчица, старалась всячески рассеять меня, рассказывая мне о Петербурге, об институте, в котором воспитывалась она сама и куда везла меня теперь. По минутно при этом она угощала меня пастилой, конфетами и яблоками, взятыми из дома. Но кусок не шел мне в горло. Лицо мамы, такое, каким я его видела на станции, не выходило из памяти, и мое сердце больно сжималось.

В Петербурге нас встретил невзрачный, серенький день. Серое небо грозило проливным дождем, когда мы сходили на подъезд вокзала.

Наемная карета отвезла нас в большую и мрачную гостиницу. Я видела, сквозь стекла ее, шумные улицы, громадные дома и беспрерывно снующую толпу, но мои мысли были далеко-далеко, под синим небом моей родной Украины, в фруктовом садике, подле мамочки, Васи, няни...

ГЛАВА II

Новые лица, новые впечатления

Было 12 часов дня, когда мы подъехали с Анной Фоминишной к большому красному зданию в X-ой улице.

— Это вот и есть институт, — сказала мне моя спутница, заставив дрогнуть мое и без того бившееся сердце.

Еще больше обомлела я, когда седой и строгий швейцар широко распахнул передо мной двери... Мы вошли в широкую и светлую комнату, называемую приемной.

— Новенькую-с привезли, доложить прикажете-с княгине-начальнице? — важно, с достоинством спросил швейцар Анну Фоминишну.

— Да, — ответила та, — попросите княгиню принять нас, — и она назвала свою фамилию.

Швейцар, неслышно ступая, пошел в следующую комнату, откуда тотчас же вышел, сказав нам:

— Княгиня просит, пожалуйста.

Небольшая, прекрасно обставленная мягкой мебелью, вся застланная коврами комната поразила меня своей роскошью. Громадные трюмо стояли между окнами, скрытыми до половины тяжелыми драпировками; по стенам висели картины в золоченых рамах; на этажерках и в хрустальных горках стояло множество прелестных и хрупких вещиц. Мне, маленькой провинциалке, чем-то сказочным показалась вся эта обстановка.

Навстречу нам поднялась высокая, стройная дама, полная и красивая, с белыми как снег волосами. Она обняла и поцеловала Анну Фоминишну с материнской нежностью.

— Добро пожаловать, — прозвучал ее ласковый голос, и она потрепала меня по щечке.

— Это — маленькая Людмила Влассовская, дочь убитого в последнюю кампанию Влассовского? — спросила начальница Анну Фоминишну. — Я рада, что она поступает в наш институт... Нам очень желанны дети героев. Будь же, девочка, достойной своего отца.

Последнюю фразу она произнесла по-французски и потом прибавила, проводя душистой мягкой рукой по моим непокорным кудрям:

— Ее надо остричь, это — не по форме. Аннет, — обратилась она к Анне Фоминишне, — не проводите ли вы ее вместе со мною в класс? Теперь большая перемена, и она успеет ознакомиться с подругами.

— С удовольствием, княгиня! — поспешила ответить Анна Фоминишна, и мы все трое вышли из гостиной начальницы, прошли целый ряд коридоров и поднялись по большой, широкой лестнице во второй этаж.

На площадке лестницы стояло зеркало, отразившее высокую красивую женщину, ведущую за руку смуглое, кудрявое маленькое существо, с двумя черешнями вместо глаз и целой шапкой смоляных кудрей. «Это — я, Люда, — мелькнуло молнией в моей голове. — Как я не подхожу ко всей этой торжественно-строгой обстановке!»

В длинном коридоре, по обе стороны которого шли классы, было шумно и весело. Гул смеха и говора доносился до лестницы, но лишь только мы появились в конце коридора, как тотчас же воцарилась мертвая тишина.

— Мамап, Мамап идет, и с ней новенькая, новенькая, — сдержанно пронеслось по коридорам.

Тут я впервые узнала, что институтки называют начальницу «Мамап».

Девочки, гулявшие попарно и группами, останавливались и низко приседали княгине. Взоры всех обращались на меня, меняющуюся в лице от волнения.

Мы вошли в младший класс, где у маленьких воспитанниц царило оживление. Несколько девочек рассматривали большую куклу в нарядном платье, другие рисовали что-то у доски, третьи, окружив пожилую даму в синем платье, отвечали ей урок на следующий день.

Лишь только Мамап вошла в класс, все они моментально смолкли, отвесили начальнице условный реверанс и уставились на меня любопытными глазами.

— Дети, — прозвучал голос княгини, — я привела вам новую подругу, Людмилу Влассовскую, примите ее в свой круг и будьте добрыми друзьями.

— Mademoiselle, — обратилась Мамап к даме в синем платье, — вы займитесь новенькой.

Затем, обращаясь к Анне Фоминишне, она сказала:

— Пойдемте, Аннет, пусть девочка познакомится с товарищами.

Анна Фоминишна послушно простилась со мною. Мое сердце ёкнуло. С нею уходила последняя связь с домом.

— Поцелуйте маму, — шепнула я ей, силясь сдержать слезы.

Она еще раз обняла меня и вышла вслед за начальницей.

Лишь только большая стеклянная дверь закрылась за нами, я почувствовала полное одиночество.

Я стояла, окруженная толпой девочек — черненьких, белокурых и русых, больших и маленьких, худеньких и полных, но безусловно чужих и далеких.

— Как твоя фамилия? Я недослышала, — спрашивала одна.

— А зовут? — кричала другая.

— Сколько тебе лет? — приставала третья.

— А ты любишь пирожные? — раздался голос со стороны.

Я не успевала ответить ни на один из этих вопросов.

— Влассовская, — раздался надо мною строгий голос классной дамы, — пойдете, я покажу вам ваше место.

Я вздрогнула. Меня в первый раз называли по фамилии, и это неприятно подействовало на меня.

Классная дама взяла меня за руку и отвела на одну из ближайших скамеек. На соседнем со мною месте сидела бледная, худенькая девочка, с двумя длинными блестящими черными косами.

— Княжна Джаваха, — обратилась классная дама к бледной девочке, — вы покажете Влассовской заданные уроки и расскажете ей правила.

Бледная девочка встала при первых словах классной дамы и подняла на нее большие черные и недетски серьезные глаза.

— Хорошо, мадемуазель, я все сделаю, — произнес несколько гортанный, с незнакомым мне акцентом голос, и она опять села.

Я последовала ее примеру.

Классная дама отошла, и толпа девочек нахлынула снова.

— Ты откуда? — звонко спросила веселая толстенная блондинка с вздернутым носиком.

— Из-под Полтавы.

— Ты — хохлушка! Ха-ха-ха!.. Она, mesdames, хохлушка! — разразилась она веселым раскатистым смехом.

— Нет, — немного обиженным тоном ответила я, — у мамы там хутор, но мы сами петербургские... Только я там родилась и выросла.

— Неправда, неправда, ты — хохлушка, — не унималась шалунья. — Видишь, у тебя и глаза хохлацкие и волосы... Да ты постой... ты не цыганка ли? Ха-ха-ха!.. Правда, она — цыганка, mesdames?

Мне, уставшей с дороги и смены впечатлений, было крайне неприятно слышать весь этот шум и гам. Голова моя кружилась.

— Оставьте ее, — раздался несколько властный голос моей соседки, той самой бледной девочки, которую классная дама назвала княжной Джавахой. — Хохлушка она или цыганка, не все ли равно... Ты — глупая хохотунья, Бельская, и больше ничего, — прибавила она сердито, обращаясь к толстенькой блондинке. — Марш по местам! Новенькой надо заниматься.

— Джаваха, Ниночка Джаваха желает изображать покровительницу новенькой... — зашумели девочки. — Бельская, слышишь? Попробуй-ка «нападать», — поддразнили они Бельскую.

— Куда уж нам с сиятельными! — с досадой ответила та, отходя от нас.

Когда девочки разошлись по своим местам, я благодарно взглянула на мою избавительницу.

— Ты не обращай на них внимания; знаешь, — сказала она тихо, — эта Бельская всегда «задирает» новеньких.

— Как вас зовут? — спросила я мою покровительницу, невольно преклоняясь перед ее положительным, недетским тоном.

— Я — княжна Нина Джаваха-оглы-Джамата, но ты меня попросту зови Ниной. Хочешь, мы будем подругами?

И она протянула мне свою тоненькую ручку.

— О, с удовольствием! — поспешила я ответить и потянулась поцеловать Нину.

— Нет, нет, не люблю нежностей! У всех институток привычка лизаться, а я не люблю! Мы лучше так... — и она крепко пожала мою руку. — Теперь я тебе покажу, что задано на завтра.

Пронзительный звонок не дал ей закончить. Девочки бросились занимать места. Большая перемена кончилась. В класс входил француз-учитель.

ГЛАВА III

Уроки

Худенький и лысый, он казался строгим благодаря синим очкам, скрывавшим его глаза.

— Он — предобрый, этот monsieur Ротье, — как бы угадывая мои мысли, тихо шепнула Нина и, встав со скамьи, звучно ответила, что было приготовлено на уроке. — Зато немец — злюка, — так же тихо прибавила она, сев на место.

— У нас — новенькая, une nouvelle élève (новая ученица), — раздался среди полной тишины возглас Бельской.

— Ah? — спросил, не поняв, учитель.

— Taisez-vous, Biélsky (молчите, Бельская), — строго остановила ее классная дама.

— Всюду с носом, — сердито проговорила она и передернула худенькими плечиками.

— Mademoiselle Ренн, — вызвал француз, — voulez-vous répondre votre leçon (отвечайте урок).

Очень высокая и полная девочка поднялась с последней скамейки и неохотно, вяло пошла на середину класса.

— Это — Катя Ренн, — пояснила мне моя княжна, — страшная лентяйка, последняя ученица.

Ренн отвечала басню Лафонтена, сбиваясь на каждом слове.

— Très mal (очень плохо), — коротко бросил француз и поставил Ренн единицу.

Классная дама укоризненно покачала головой, девочки зашевелились.

Тою же ленивой походкой Ренн совершенно равнодушно пошла на место.

— Princesse Djiavaña, allons (княжна Джаваха), — снова раздался голос француза, и он ласково кивнул Нине.

Нина встала и вышла, как и Ренн, на середину класса. Милый, несколько гортанный голосок звонко и отчетливо прочел ту же самую басню. Щечки Нины разгорелись, черные глаза заблестели, она оживилась и стала ужасно хорошенькая.

— Merci, mon enfant (благодарю, дитя мое), — еще ласковее произнес старик и кивнул девочке.

Она повернулась ко мне, прошла на место и села. На ее оживленном личике играла улыбка, делавшая ее прелестной. Мне казалось в эту минуту, что я давно знаю и люблю Нину.

Между тем учитель продолжал вызывать по очереди следующих девочек. Предо мной промелькнул почти весь класс. Одни были слабее в знании басни, другие читали хорошо, но Нина прочла лучше всех.

— Он вам поставил двенадцать? — шепотом обратилась я к княжне.

Я была знакома с системой баллов из разговоров с Анной Фоминишной и знала, что 12 — лучший балл.

— Не говори мне «вы». Ведь мы — подруги. — И Нина, покачив укоризненно головкой, прибавила: — Скоро звонок — конец урока, мы тогда с тобою поболтаем.

Француз отпустил на место девочку, читавшую ему все ту же басню, и, переговорив с классной дамой по поводу «новенькой», вызвал наконец и меня, велел прочесть по книге.

Я страшно смутилась. Мама, отлично знавшая языки, занималась со мною очень усердно, и я хорошо читала по-французски, но я взволновалась, боясь быть осмеянной этими чужими девочками. Черные глаза Нины молча ободрили меня. Я прочла смущенно и сдержанно, но тем не менее толково. Француз кивнул мне ласково и обратился к Нине шутливо:

— Prenez garde, petite princesse, vous aurez une rivale (берегитесь, княжна, у вас будет соперница). — И, кивнув мне еще раз, отпустил на место.

В ту же минуту раздался звонок и учитель вышел из класса.

Следующий урок был чистописание. Мне дали тетрадку с прописями, такую же, как и у моей соседки.

Насколько чинно все сидели за французским уроком, настолько шумно за уроком чистописания. Маленькая, худенькая, сморщенная учительница напрасно кричала и выбивалась из сил. Никто ее не слушал; все делали что хотели. Классную

даму зачем-то вызвали из класса, и девочки окончательно разбушевались.

— Антонина Вадимовна, — кричала Бельская, обращаясь к учительнице, — я написала «красивый монумент». Что дальше?

— Сейчас, сейчас, — откликнулась та и спешила от скамейки к скамейке.

Рядом со мною, согнувшись над тетрадкой и забавно прикусив высунутый язычок, княжна Джаваха, склонив головку набок, старательно выводила какие-то каракульки.

Звонок к обеду прекратил урок. Классная дама распахнула двери с громким возгласом: «Mettez-vous par paires, mesdames» (становитесь в пары).

— Нина, можно с тобою? — спросила я княжну, становясь рядом с нею.

— Я выше тебя, мы не под пару — заметила Нина, и я увидела, что легкая печаль легла тенью на ее красивое личико. — Впрочем, постой, я попрошу классную даму.

Очевидно, маленькая княжна была общей любимицей, так как m-lle Арно (так звали наставницу) тотчас же согласилась на ее просьбу.

Чинно выстроились институтки и сошли попарно в столовую, помещавшуюся в нижнем этаже. Там уже собрались все классы и строились на молитву.

— Новенькая, новенькая, — раздался сдержанный говор, и все глаза обратились на меня, одетую в «собственное» скромное коричневое платьице, резким пятном выделявшееся среди зеленых камлотовых платьев и белых передников — обычной формы институток.

Дежурная ученица из институток старших классов прочла молитву перед обедом, и все институтки сели за столы по 10 человек за каждый.

Мне было не до еды. Около меня сидела с одной стороны та же милая княжна! а с другой — Маня Иванова — веселая, бойкая шатенка с коротко остриженными волосами.

— Влассовская, ты не будешь есть твой биток? — на весь стол крикнула Бельская. — Нет? Так дай мне.

— Пожалуйста, возьми, — поторопилась я ответить.

— Вздор! Ты должна есть и биток, и сладкое тоже, — строго заявила Джаваха, и глаза ее сердито блеснули. — Как тебе не стыдно клянчить, Бельская! — прибавила она.

Бельская сконфузилась, но ненадолго: через минуту она уже звонким шепотом передавала следующему «столу»:

— Mesdames, кто хочет меняться — биток за сладкое?

Девочки с аппетитом уничтожали холодные и жесткие битки... Я невольно вспомнила пышные свиные котлетки с луковым соусом, которые у нас на хуторе так мастерски готовила Катря.

— Ешь, Люда, — тихо проговорила Джаваха, обращаясь ко мне.

Но я есть не могла.

— Смотрите на Ренн, mesdames'очки, она хотя и получила единицу, но не огорчена нисколько, — раздался чей-то звонкий голосок в конце стола.

Я подняла голову и взглянула на середину столовой, где ленивая, вялая Ренн без передника стояла на глазах всего института.

— Она наказана за единицу, — продолжал тот же голосок. Это говорила очень миловидная, голубоглазая девочка, лет восьми на вид.

— Разве таких маленьких принимают в институт? — спросила я Нину, указывая ей на девочку.

— Да ведь «Крошка» совсем не маленькая — ей уже одиннадцать лет, — ответила княжна и прибавила: — Крошка — это ее прозвище, а настоящая фамилия ее — Маркова. Она любимица нашей начальницы, и все «синявки» к ней подливаются.

— Кого вы называете синявками? — любопытно спросила я.

— Классных дам, потому что они все носят синие платья, — тем же тоном продолжала княжна, принимаясь за «бланманже», отдающее стеарином.

Новый звонок возвестил окончание обеда. Опять та же дежурная старшая прочла молитву, и институтки выстроились парами, чтобы подняться в классы.

— Ниночка, хочешь смоквы и коржиков? — спросила я шепотом Джаваху, вспомнив о лакомствах, заготовленных мне няней.

Едва я вспомнила о них, как почувствовала легкое щекотание в горле... Мне захотелось неудержимо разрыдаться. Милые, бесконечно близкие лица выплыли передо мною, как в тумане.

Я упала головою на скамейку и судорожно заплакала.

Ниночка сразу поняла, о чем я плачу.

— Полно, Галочка, брось... Этим не поможешь, — успокаивала она меня, впервые называя меня за черный цвет моих волос «Галочкою». — Тяжело первые дни, а потом привыкнешь... Я сама билась как птица в клетке, когда привезли меня сюда с Кавказа. Первые дни мне было ужасно грустно. Я думала, что никогда не привыкну. И ни с кем не могла подружиться. Мне никто здесь не нравился. Бежать хотела... А теперь как дома... Как взгрустнется, песни пою... наши родные кавказские песни... и только. Тогда мне становится сразу как-то веселее, радостнее...

Гортанный голосок княжны с заметным кавказским произношением приятно ласкал меня; ее рука лежала на моей кудрявой головке — и мои слезы понемногу иссыкли.

Через минут десять мы уже уписывали принесенные снизу сторожем мои лакомства, распаковывали вещи, заботливо уложенные няней. Я показала княжне мою куклу Лушу. Но она даже едва удостоила взглянуть, говоря, что терпеть не может кукол. Я рассказывала ей о Гнедке, Милке, о Гапке и махровых розах, которые вырастил Ивась. О маме, няне и Васе я боялась говорить, они слишком живо рисовались моему воображению: при воспоминании о них слезы набегали мне на глаза, а моя новая подруга не любила слез.

Нина внимательно слушала меня, прерывая иногда мой рассказ вопросами.

Незаметно пробежал вечер. В восемь часов звонок на молитву прервал наши беседы.

Мы попарно отправились в спальню, или «дортуар», как она называлась на институтском языке.

ГЛАВА IV В дортуаре

Большая длинная комната с четырьмя рядами кроватей — «дортуар» — освещалась двумя газовыми рожками. К ней примыкала умывальня с медным желобом, над которым помещалась целая дюжина кранов.

— Княжна Джаваха, новенькая ляжет подле вас. Соседняя кровать ведь свободна? — спросила классная дама.

— Да, m-lle, Федорова больна и переведена в лазарет.

Очевидно, судьба мне благоприятствовала, давая возможность быть неразлучной с Ниной.

Не теряя ни минуты, Нина показала мне, как стлать кровать на ночь, разложила в ночном столике все мои вещи и, вынув из своего шкафчика кофточку и чепчик, стала расчесывать свои длинные шелковистые косы.

Я невольно залюбовалась ею.

— Какие у тебя великолепные волосы, Ниночка! — не утерпела я.

— У нас на Кавказе почти у всех такие, и у мамы были такие, и у покойной тети тоже, — с какой-то гордостью и тихой скорбью проговорила княжна. — А это кто? — быстро прибавила она, вынимая из моего чемоданчика портрет моего отца.

— Это — мой папа, он умер, — грустно отвечала я.

— Ах да, я слышала, что твой папа был убит на войне с турками. Мамап уже месяц тому назад рассказывала нам, что у нас будет подруга — дочь героя. Ах, как это хорошо! Мой папа тоже военный... и тоже очень, очень храбрый; он — в Дагестане... а мама умерла давно... Она была такая ласковая и печальная... Знаешь, Галочка, моя мама была простая джигитка;

папа взял ее прямо из аула и женился на ней. Мама часто плакала, тоскуя по семье, и потом умерла. Я помню ее, какая она была красивая! Мы очень богаты... На Кавказе нас все-все знают... Папа уже давно начальник — командир полка. У нас на Кавказе большое имение. Там я жила с бабушкой. Бабушка у меня очень строгая... Она бранила меня за все, за все... Галочка, — спросила она вдруг другим тоном, — ты никогда не скакала верхом? Нет! А вот меня папа выучил... Папа очень любит меня, но теперь ему некогда заниматься мною, у него много дела. Ах, Галочка, как хорошо было ехать горными ущельями на моем Шалом... Дух замирает... Или скакать по долине рядом с папой... Я очень хорошо езжу верхом. А глупые девочки-институтки смеялись надо мною, когда я им рассказывала про все это.

Нина воодушевилась... В ней сказывалась южанка. Глазки ее горели как звезды.

Я невольно преклонялась перед этой смелой девочкой, я — боявшаяся сесть на Гнедку.

— Пора спать, дети, — прервал наш разговор возглас классной дамы, вошедшей из соседней с дортуаром комнаты.

М-ле Арно собственноручно уменьшила свет в обоих рожках, и дортуар погрузился в полумрак.

Девочки с чепчиками на головах, делавших их чрезвычайно смешными, уже лежали в своих постелях.

Нина стояла на молитве перед образком, висевшим на малиновой ленточке в изголовье кровати, и молилась.

Я попробовала последовать ее примеру и не могла. Мама, Вася, няня — все они, мои дорогие, стояли как живые передо мной. Ясно слышались мне прощальные напутствия моей мамули, звонкий ребяческий голосок Васи, просивший: «Не уезжай, Люда», — и мне стало так тяжело и больно в этом чужом мне, мрачном дортуаре, между чужими для меня девочками, что я зарылась в подушку головою и беззвучно зарыдала.

Я плакала долго, искренно, тихо повторяя милые имена, называя их самыми нежными названиями. Я не слышала, как

м-Ле Арно, окончив свой обход, ушла к себе в комнату, и очнулась только тогда, когда почувствовала, что кто-то дергает мое одеяло.

— Ты опять плачешь? — тихим шепотом произнесла княжна, усевшись у моих ног.

Я ничего не ответила и еще судорожнее зарыдала.

— Не плачь же, не плачь... Давай поболтаем лучше. Ты свесься вот так в «переулок» (переулком назывались пространства между постелями).

Я подавила слезы и последовала ее примеру.

В таинственном полумраке дортуара долго за полночь слышался наш шепот. Она расспрашивала меня о доме, о маме, Васе. Я ей рассказывала о том, какой был неурожай на овес, какой у нас славный в селе священник, о том, как глупая Гапка боится русалок, о любимой собаке Милке, о том, как Гнедко болел зимою и как его лечил кучер Андрей, и о многом, многом другом. Она слушала меня с любопытством. Все это было так ново для маленькой княжны, знавшей только свои горные теснины Кавказа да зеленые долины Грузии. Потом она стала рассказывать сама, увлекаясь воспоминаниями... С особенным увлечением она рассказывала про своего отца. О, она горячо любила своего отца и ненавидела бабушку, отдавшую ее в институт... Ей было здесь очень тоскливо порою...

— Скорее бы прошли эти скучные дни... — шептала Ни-на, — весной за мной приедет папа и увезет меня на Кавказ... Целое лето я буду отдыхать, ездить верхом, гулять по горам... — восторженно говорила она, и я видела, как разгорались в темноте ее черные глазки, казавшиеся огромными на матово-бледном лице.

Мы уснули поздно-поздно, каждая уносясь мечтами на свою далекую родину...

Не знаю, что грезилось княжне, но мой сон был полон светлых видений.

Мне снился хутор в жаркий, ясный июльский день... Наливные яблоки на тенистых деревьях нашего сада, Милка,

изнывающая от летнего зноя у своей будки... а на крылечке за большими корзинами черной смородины, предназначенной для варенья, моя милая, кроткая мама. Тут же и няня, расчесывающая по десять раз в день кудрявую головенку Васи. «Но где же я — Люда?» — мелькнуло у меня в мыслях. Неужели эта высокая стриженная девочка в зеленом камлотовом платице и белом переднике — это я, Люда, маленькая панночка с Влассовского хутора? Да, это — я, тут же со мною бледная княжна Джаваха... А кругом нас цветы, много, много колокольчиков, резеды, левкоя... Колокольчики звенят на весь сад... и звон их пронзительно звучит в накаленном воздухе...

— Вставай же, соня, пора, — раздался над моим ухом веселый окрик знакомого голоса.

Я открыла глаза.

Звонок, будивший институток, заливался неистовым звоном. Туманное, мглистое утро смотрело в окна...

В дортуре царило большое оживление.

Девочки, перегоняя друг друга, в тех же смешных чепчиках и кофточках, бежали в умывальню. Все разговаривали, смеялись, рассказывали про свои сны, иные повторяли наизусть заданные уроки. Шум стоял такой, что ничего нельзя было разобрать.

Институтский день вступал в свои права.

ГЛАВА V

Немецкая дама. Гардеробная

Торопясь и перегоняя друг друга, девочки бежали умываться к целому ряду медных кранов у стены, из которых струилась вода.

— Я тебе заняла кран, — крикнула мне Нина, подбирая на ходу под чепчик свои длинные косы.

В умывальной был невообразимый шум. Маня Иванова приставала к злополучной Ренн, обдавая ее брызгами холод-

ной воды. Ренн, выйдя на этот раз из своей апатии, сердилась и выходила из себя.

Крошка мылась подле меня, и я ее разглядела... Действительно, она не казалась вблизи такой деточкой, какую я нашла ее вчера. Бледное, худенькое личико в массе белокурых волос было сердито и сонно; узкие губы плотно сжаты; глаза, большие и светлые, поминутно загорались какими-то недобрыми огоньками. Крошка мне не нравилась.

— Медамочки, торопитесь! — кричала Маня Иванова и, хохоча, проводила зубной щеткой по оголенным спинам мывшихся под кранами девочек. Нельзя сказать, чтобы от этого получалось приятное ощущение. Но Нину Джаваху она не тронула.

Вообще, как мне показалось, Нина пользовалась исключительным положением между институтками.

Вбежала сонная, заспанная Бельская.

— Пусти, Влассовская, ты после вымоешься, — несколько грубо сказала она мне.

Я покорно уступила было мое место, но Нина, подоспевшая вовремя, накинулась на Бельскую.

— Кран занят мною для Влассовской, а не для тебя, — строго сказала она той и прибавила, обращаясь ко мне: — Нельзя же быть такой тряпкой, Галочка.

Мне было неловко от замечания Нины, сделанного при всех, но в то же время я была бесконечно благодарна милой девочке, взявшей себе в обязанность защищать меня.

К восьми часам мы уже все были готовы и становились в пары, чтобы идти на молитву, когда в дортуар вошла новая для меня классная дама, фрейлейн Генинг, маленькая, полная немка с добродушной физиономией. Она была совершенной противоположностью сухой и чопорной m-lle Арно.

— Ах, новенькая!.. — воскликнула она, и ее добрые глаза засияли лаской. — Komm herr, mein Kind (подойди сюда, дитя мое).

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ

Глава I. Отъезд	7
Глава II. Новые лица, новые впечатления	9
Глава III. Уроки	14
Глава IV. В дортуаре	19
Глава V. Немецкая дама. Гардеробная	22
Глава VI. Сад. Тайна Нины. Ирочка Трахтенберг	26
Глава VII. Суббота. В церкви. Письмо	30
Глава VIII. Прием. Силюльки. Черная монахиня	34
Глава IX. Вести из дому. Подвиг Нины	41
Глава X. Первая ссора. Триумвират	47
Глава XI. Невинно пострадавшая	54
Глава XII. В лазарете. Примирение	62
Глава XIII. Печальная новость. Подписка	67
Глава XIV. 14 ноября	75
Глава XV. Итог за полгода. Разъезд. Посылка	82
Глава XVI. Праздники. Лезгинка	87
Глава XVII. Высочайшие гости	93
Глава XVIII. Проказы	101
Глава XIX. Пост. Говельщицы	109
Глава XX. Больная. Сон. Христос Воскресе	116
Глава XXI. Экзамены. Чудо	124
Глава XXII. Болезнь Нины	135
Глава XXIII. «Прости, родная»	139
Глава XXIV. Выпуск. Сюрприз	146

КНЯЖНА ДЖАВАХА

Часть первая. НА КАВКАЗЕ

Глава I. Первые воспоминания. Хаджи-Магомет. Черная роза	157
Глава II. Бабушка. Отец. Последний отпрыск славного рода	166
Глава III. Два героя. Абрек. Моя фантазия	178
Глава IV. Бэлла. Неожиданная радость	186
Глава V. В дороге. Аул Бестуди. Свадьба Бэллы	192
Глава VI. У княгини. Хвастунишка. Паж и королева. Ночные страхи	203
Глава VII. Таинственные огоньки. Башня смерти	212
Глава VIII. Обличительница	220
Глава IX. Пир. Демон. Подслушанная тайна	225
Глава X. Смерть Юлико. Моя клятва	238
Глава XI. Колдунья Сарра. Бегство	247
Глава XII. Ночь в горах. Обвал	261
Глава XIII. Снова дома. Две клятвы	269
Глава XIV. В путь-дорогу	272

Часть вторая. В ИНСТИТУТЕ

Глава I. В каменной клетке. Неожиданные враги	277
Глава II. Уроки. Травля. Последнее прости	288
Глава III. Последнее прости. Обыск	295
Глава IV. Фея Ирэн. В лазарете	301
Глава V. Преступление и наказание. Правило товарищества	313
Глава VI. Ложь и правда. Люда Влассовская	321
Глава VII. Принцесса Горийская показывает чудеса храбрости	329
Глава VIII. Из-за вороны. Друзья на всю жизнь	336

СИБИРОЧКА

Вместо вступления. Что было девять лет назад	347
--	-----

Часть I. В ГЛУШИ СИБИРИ

Глава I. Дедушка и внучка	353
Глава II. Под свист ветра и песнь метели. — Неожиданное горе . . .	355

Глава III. Сибирочка хочет спасти дедушку	359
Глава IV. Четыре мохнатых зверя	361
Глава V. Молоденький благодетель. — Лесная нора	363
Глава VI. Сладкий сон и горькое пробуждение	366
Глава VII. Голос из-под земли. — Тайна раскрывается	369
Глава VIII. Сибирочка исполняет трудное поручение	376
Глава IX. Ни хода, ни выхода	381
Глава X. В пещере под снегом	383
Глава XI. Неожиданность за неожиданностью	386
Глава XII. Получеловек-полузверь с добрым сердцем	387
Глава XIII. В чуме Нымзы. — Пиршество. — Из огня да в полымя	390
Глава XIV. Нымза-предатель и Нымза-друг.	393
Глава XV. Пурга. — Новая опасность. — У цели	398

Часть II. МАЛЕНЬКАЯ УКРОТИТЕЛЬНИЦА ЛЬВОВ

Глава I. В огромном городе	402
Глава II. Тяжелое разочарование	405
Глава III. Никс решает дело	409
Глава IV. О том, что было пять лет тому назад	413
Глава V. Мистер Билль и господин директор. — Дело сделано. — Легко приобретенный враг	418
Глава VI. Новые люди. — Цезарь и Юнона.	422
Глава VII. Сибирочка и Андрюша вступают на новый путь. — Страшное начало	426
Глава VIII. Первый урок	431
Глава IX. Драка. — Непримируемый враг. — Первый выход	433
Глава X. Новый клоун m-г Андре начинает свои «штучки»	438
Глава XI. Маленькая укротительница львов	443
Глава XII. Зависть и злоба. — Враги Андрюши и Сибирочки	447
Глава XIII. Письмо. — Сюрприз. — Затея Никса	450
Глава XIV. Таинственная каморка. — Черный дух	454
Глава XV. Снова княжна Аля. — Счастливый день	460
Глава XVI. Новое открытие. — Страхи г-жи Вихровой. — Выход найден	468

Содержание

Глава XVII. Радость	474
Глава XVIII. Не он	478
Глава XIX. Снова Зуб. — Отчаяние. — Неожиданная защита	481
Глава XX. Элла действует	484
Глава XXI. Они вернулись!	485
Глава XXII. «Христианка и львы»	488
Глава XXIII. Ужас. — Спаситель	490
Глава XXIV. Спасена	491
Глава XXV. Крестик	493
Глава XXVI. Что было дальше	494
Глава XXVII. Две Али — две княжны	498
Заключение	503

Чарская Л.

Ч 22 Малое собрание сочинений / Лидия Чарская. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 512 с.

ISBN 978-5-389-15295-3

В свое время книги Лидии Алексеевны Чарской (урожденной Вороновой) по своей популярности могли поспорить с изданиями поэтов Серебряного века. Будущая писательница училась в Павловском институте благородных девиц в Петербурге. На основе собственного дневника, который Чарская вела в годы учебы, ею была написана первая повесть — «Записки институтки». Жизнелюбие, благородство, мечтательность, романтичность — вот качества этого и других сочинений Лидии Чарской, которые покорили юных читателей.

В повести «Княжна Джаваха» рассказывается предыстория одной из героинь «Записок институтки»: гордая грузинская княжна Нина Джаваха была воспитана на Кавказе так, как воспитывают будущих воинов, но затем оказалась в холодном и мрачном Петербурге.

Главная героиня повести «Сибирочка» — княжна Александра Гордова, волею судеб разлученная с родным отцом и выросшая в таежной глуши. Девочке предстоит пройти множество испытаний, преодолеть невзгоды и опасности, обрести верных друзей, прежде чем она сумеет отыскать отца.

На книгах Лидии Чарской выросло уже не одно поколение — ими читаются, не в силах оторваться от увлекательного сюжета и находясь под обаянием этой прекрасной прозы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-44

Литературно-художественное издание

ЛИДИЯ АЛЕКСЕЕВНА ЧАРСКАЯ
МАЛОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Елена Шнитникова, Ирина Сологуб
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.02.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 32.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AMS-23675-01-R